
Игорь МОЩИЦКИЙ

АНТЕННЫ ДЛЯ АРКТИКИ

Повесть

Сразу после школы я, гуманитарный мальчик, любивший больше всего на свете литературу и театр, писавший стихи и мечтавший написать пьесу (ее я все-таки написал спустя годы и даже увидел на сцене хорошего театра), под нажимом мамы и ее многочисленных коллег-искусствоведов оказался в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета. «Двадцатый век — век техники, и гуманитарии сейчас никому не нужны, — утверждали мама и ее коллеги. — Чехов был врачом, Алексей Толстой — инженером, и ты будь, как они: получи профессию и занимайся, чем хочешь».

К собственному удивлению, я как-то дополз до пятого курса и на время разработки дипломного проекта превратился в свободного художника: ходить ежедневно в родной институт стало не нужно. Мне назначили руководителя с фамилией Энтелис, брата модного в те времена музыковеда, которого поклонники считали гигантом в своем деле. Мой Энтелис тоже был гигантом. Он руководил в Государственном институте керамики лабораторией передовых технологий или, как ее называли сотрудники, «передовой лабораторией» и славился тем, что все его задумки вызывали опаску у начальства. Мне для дипломного проекта он предложил совершенно утопическую идею. Я должен был спроектировать автоматизированный фарфоровый завод, который мог явиться в реальности лишь через много десятилетий, да и то вряд ли. Мне это было ясно после преддипломной практики на Дулевском фарфоровом заводе, но спорить с Энтелисом я не решился.

По его подсказке день за днем на моем домашнем рабочем столе возникали эскизы автоматов, способных без участия человека творить фарфоровые чудеса, и наконец наступил момент, когда осталось только отобразить эти эскизы на листах ватмана. Тут была загвоздка, потому что своим ужасным черчением я мог скомпрометировать идеи великого Энтелиса. Но школьный товарищ Валя Кудрявцев пожертвовал две недели своей жизни и превратил мои жалкие эскизы в очень достойные чертежи. Мы даже собирались написать на титульном листе пояснительной записки: «Художественное оформление проекта Валентина Кудрявцева».

Игорь Иосифович Мощицкий — член Союза писателей и Гильдии драматургов Санкт-Петербурга. Написал более двадцати пьес и не менее двухсот текстов песен к разным спектаклям. Спектакль «Прощай, Россия» Александринского театра стал лауреатом международного и российских театральных конкурсов. В 2016 году его пьеса «Мой бедный Бенджи», написанная на основе романа Фолкнера «Шум и ярость», вошла в шорт-лист VIII Международного биеннале современной драматургии. В 2017 году стал дипломантом Международного литературного конкурса имени Н. В. Гоголя за книгу «Записки конформиста». Победитель конкурса Гильдии драматургов России на лучшую современную комедию («Звезда из местечка», 2018).

Перед защитой я, как полагалось, отдал свой проект официальному оппоненту. На мое счастье, когда он его просматривал, мимо проходил Йожеф Шелаи, студент из Венгрии.

— Слушай, Йожеф. Ты знаешь студента... — и оппонент назвал мою фамилию.

— Конечно, знаю. Это мой однокурсник, — ответил Йожеф с акцентом, от которого не сумел избавиться за пять лет учебы.

— А как он у вас там учился?

— О! Он есть у нас самый отличник, — не моргнув глазом, ответил Йожеф.

— Так и думал, — обрадовался оппонент. — Я как раз собираюсь поставить ему пятерку.

— И это есть правильно. Меньше пятерки от него никто не ждет, — поддержал оппонента Йожеф, еле сдерживая ехидную улыбку.

С этой пятеркой в кармане я направился на кафедру, где проходил специализацию, и наткнулся в коридоре на заведующего кафедрой профессора Августиника, слывшего там небожителем. Сотрудники кафедры говорили «Аркадий Иванович приехал» как об очень значительном событии. Или «Аркадий Иванович не приехал. Наверно, с его машиной что-то случилось», и это тоже было значительное событие. Обращаться к Августинику без серьезного повода считалось наглостью, но, опьяненный успехом у оппонента, я храбро остановил его:

— Аркадий Иванович, можно вам показать мои чертежи?

Тратить на меня время явно не входило в планы профессора, но после секундного раздумья он милостиво произнес:

— Показывайте.

Мы зашли в аудиторию. Бегло просмотрев чертежи, он спросил:

— В чем вопрос?

Вопросов у меня не было, а было всего лишь желание получить похвалу профессора, но раз уж я к нему пристал, следовало сформулировать зачем. Ну, я и сформулировал на свою голову. Вопрос мой прозвучал так: согласен ли профессор, что полет нашей с Энтелисом фантазии важнее сегодняшнего потенциала науки и техники? Разумеется, я надеялся услышать слова поддержки, но Августиник не желал вместе со мной и Энтелисом отрывать от земли и задал законный вопрос:

— Когда, по вашему мнению, станет возможным реализовать ваш проект?

— Думаю, в таком виде никогда! — честно ответил я и попытался оправдаться: — С самого начала это не являлось его задачей.

— То есть ваш проект нереализуем? — недобро посмотрел на меня Августиник.

— Неосуществим, — подтвердил я, уже догадываясь, чем может закончиться наш диалог.

— Неосуществим, — повторил за мной Августиник и поставил точку в нашей беседе. — В таком случае вам следует представить комиссии другой дипломный проект.

Он встал и, показав мне свою равнодушную спину, вышел из аудитории.

— Захотел похвастаться и влип, — сказал за моей спиной однокурсник.

«Точно! Меня теперь снимут с защиты», — испугался я, а профессор, поглощенный своими великими мыслями, забыл обо мне, еще не дойдя до дверей своего кабинета. И разумеется, на мою защиту он не пришел.

К моему изумлению, защита прошла на ура. Не помня себя от радости, я выбежал в вестибюль и прыгнул через четыре ступеньки вниз, чуть не сломав сразу обе ноги.

— Это был прыжок уже инженера, — услышал я сзади голос Энтелиса.

Он рассказал, что комиссия в едином порыве хотела мне поставить за дипломный проект «отлично», но кто-то из ее членов, ясное дело зануда, пожелал взглянуть на

мои оценки за все годы учебы в институте, из которых большинство, увы, составляли тройки. В итоге я получил «хорошо», но все равно посчитал свою защиту успехом.

Через несколько дней я пришел в институт за дипломом. Мероприятие это оказалось на удивление будничным. В окошке отдела кадров без всяких фанфар мне выдали диплом с вкладышем, в котором указывались мои позорные отметки за пять лет учебы, и направление на работу. Я посмотрел на свои оценки и чуть не заплакал. От троек рябило в глазах.

Мимо пробежал наш лучший студент и будущий знаменитый профессор Гриша Журавлев; его единственного из курса оставили в аспирантуре. Увидев меня, он остановился и спросил:

— Ты чего такой печальный?

— Смотрю на свои оценки, — ответил я. — Думаю, с ними меня дальше котельной ни в одно приличное заведение не пустят.

— Дай мне твой вкладыш, я его выброшу, — предложил Гриша.

— С ума сошел, — испугался я.

— Не отдашь? Ну, повесь дома на стенку, если он тебе дорог. В будущей жизни твои оценки точно будут никому не нужны. Бывает, что троечники оказываются успешней отличников. Уж ты мне поверь. Кстати, куда тебя распределили?

— На завод электрофарфора «Пролетарий».

— Уверен? — почему-то засомневался Гриша. — А ну, раскрой направление.

Я раскрыл и ничего не понял:

— Слушай, тут вместо «Пролетария» какая-то хрень написана.

— Дай посмотрю.

Он изучил мое направление и изрек:

— Никакая не хрень. Видишь печать Смольного? Тебя направили в «Почтовый ящик № 508», там специалист срочно понадобился. Поздравляю! Это в сто раз лучше, чем замшелый «Пролетарий».

— Почему меня? Отметки, что ли, мои кому-то понравились? — удивился я.

— Никто на твои отметки не смотрел, — засмеялся Гриша. — Тебя выбрали методом тыка.

— Как это? — не понял я.

— А так. В Смольный пришла дополнительная заявка, и там, недолго думая, ткнули пальцем в список выпускников и попали в тебя.

— Но это произвол, — возмутился я. — На «Пролетарии» я курсовую практику проходил, все про него знаю, бумагу при распределении подписывал. А про «ящик» я ничего не знаю и туда не пойду даже под пистолетом.

— Не петушись. Отказ от направления на работу уголовно наказуем, — строго сказал Гриша. — А «ящик 508» — неплохое место, это завод по производству новых магнитных материалов, ферриты называются. Слышал о таких?

— Нет, — признался я.

— Неудивительно, — успокоил меня Гриша. — Учебников про них нет, но они появятся. Сейчас к ферритам особое внимание благодаря освоению Арктики. Нужны морозоустойчивые антенны для приборов связи нового поколения. Деньги на это выделяются немаленькие и все такое. Считай, тебе повезло.

Сказав это, умный Гриша заспешил по своим делам. Откуда он знал и про ферриты, и про Арктику, а главное, про успешных троечников, неизвестно, но после его слов я почувствовал облегчение. Все же в отдел кадров за разъяснениями зашел, и там мне дали телефон какой-то дамы в Смольном, а та металлическим голосом подтвердила, что все правильно и я обязан смириться, тем более что «ящик» ничем не хуже «Пролетария», а в чем-то даже лучше.

Это был, как тогда говорили, чистый волюнтаризм а если попросту, «без меня — меня женили», но тяжелые думы о неясном производственном будущем вдруг вылетели из моей головы. Тем более меня еще ожидал июль — месяц свободы, надежды и, как я почему-то предчувствовал, любви, но об этом позже.

Через месяц с небольшим после защиты диплома я отправился к уготовленному мне судьбой месту работы. Солнце в тот первый августовский день светило на удивление радостно, и мне казалось, лучи его отражались не только от окон, но и от стен зданий, не оставляя на улице даже миллиметра тени. «Какое несоответствие: ясный день и туманные перспективы. Так заканчивается свобода», — думал я, садясь в трамвай, который повез меня на другой конец города.

В трамвае я увидел такую сцену: взволнованные пассажиры окружили мальчика, державшего пластмассовую коробку, из которой слышался голос диктора, читавшего последние известия. Среди пассажиров выделялся дед с мешком, в котором визжал и дрыгался поросенок, очевидно предназначенный для продажи на ближайшем рынке.

— Откуда это? — спросил мальчика дед, тыкая пальцем в коробку.

— Сам сделал. Увидел схему в журнале «Техника молодежи» и сделал, — ответил мальчик.

— А не врешь, что сам?

— Зачем врать? — удивился мальчик.

— До чего дошла техника. Радио без проводов! — умилился старик.

Вместе со стариком восхитились новинкой все пассажиры, включая меня, потому что видели транзистор впервые в жизни. Я не знал тогда, что сердцем транзистора является антенна из феррита, который обещал радиолюбителям переворот в их бурной деятельности, покорителям Арктики новые средства связи, а мне в совсем скором будущем душевные и физические потрясения. Все же какие-то предчувствия у меня были, и, оказавшись через полчаса в кабинете главного инженера таинственного «почтового ящика № 508», я разволновался.

Главный инженер, человек лет тридцати пяти («Молодой», — отметил я про себя), внимательно осмотрел мой диплом и с приветливой улыбкой попросил показать еще и вкладыш с отметками за пять лет учебы в институте. Я в ответ соврал:

— А вкладыша нет, их нам еще не выдали.

— Как так? — удивился главный инженер. — Обычно вкладыши выдают вместе с дипломом.

— А вот нам не выдали.

Главный инженер посмотрел на меня с подозрением, но настаивать не стал, благо обязан был взять меня на работу с любыми отметками. И чтобы хоть немного понять, кто перед ним сидит, попросил рассказать о моем дипломном проекте. Тут я оказался на высоте, и приветливая улыбка снова вернулась на его лицо.

— Чем мы тут занимаемся, знаете? — спросил он, дослушав мой рассказ до конца.

— Мне говорили, вы изготавливаете ферриты.

— А что вы знаете про ферриты?

— Абсолютно ничего, — признался я и с опаской подумал: «На этом наш разговор может закончиться».

Но мой ответ главного инженера не удивил, и он рассказал, что ферриты — это действительно новейшие магнитные материалы, которые изготавливаются по керамической технологии, как и фарфор, — потому-то я и оказался на их заводе. Они необходимы для развития самых разных отраслей от Арктики и космоса до стоматологии, и нет сомнений: ферриты — это надолго. Далее главный инженер похвастался, что коллектив завода представлен к Ленинской премии, о чем как раз сегодня извести-

ла мир газета «Правда». В конце своей небольшой речи главный инженер объявил, что местом моей службы будет отдел главного технолога, сокращенно ОГТ, по его словам, самое главное подразделение на заводе, так сказать, его мозговой трест, после чего отвел меня к директору на ритуальную беседу.

Директор, косноязычный мужчина лет пятидесяти («В деревне родился», — подумал я), слава богу, меня ни о чем не расспрашивал, а только назвал сумму моего должностного оклада — девяносто рублей, а чтоб я не расстраивался, объяснил — это по новой, только что принятой тарифной сетке; по старой сетке было восемьдесят три рубля. Он пожелал мне расти до начальника цеха, и я немного обиделся: почему он не желает мне дорасти до его должности? Неужели, глядя на меня, сразу понял, что мне никогда не стать директором? Все же я воодушевился его пожеланием, а также речью главного инженера и подумал: «Отчего это Смольный на такой перспективный завод послал меня, троечника, а не какого-нибудь отличника?» Впрочем, я уже тогда догадывался, что в решениях высокого начальства не стоит искать логику.

На следующий день я вышел на работу. ОГТ, где по замыслу главного инженера мне предстояло просидеть не менее трех лет (столько были обязаны отрабатывать на одном месте молодые специалисты по закону), располагался в громадной, вытянутой в длину комнате. Я зашел вместе с главным инженером в момент, когда все там с азартом обсуждали, кто из заводских кандидатов на Ленинскую премию достоин ее, а кто нет.

Подобные страсти кипели по всему заводу и к добру не привели. В Москву, в комитет по Ленинским премиям, пачками пошли возмущенные письма о том, что не включили этого, забыли того, а кое-кого вообще не следовало включать в список номинантов, и дабы избежать скандала, наверху решили премию за создание ферритов никому не присуждать по принципу: «Так не доставайся ты никому». Но тогда среди спорщиков такого финала не мог ожидать никто.

Главный инженер представил меня сотрудникам и ушел, после чего мне тут же начали открывать глаза. Оказалось, что, во-первых, главный инженер совсем не главный инженер, а всего лишь главный технолог, замещающий настоящего главного инженера, и мне сильно не повезло. Потому что, и это — во-вторых, я попал в отдел, где молодому специалисту учиться нечему, и мне срочно надо отсюда бежать, иначе пропаду и загублю навек свою молодость, а заодно и репутацию, которой еще не было. Но убежать будет непросто: очевидно, я чем-то главному технологу понравился (наверное, своим рассказом о дипломном проекте, больше нечем), иначе он не взял бы меня в свой отдел. В-третьих, пусть это меня напрямую не касается, но для общего развития мне следует знать: главный технолог очень переживает, что его нет среди номинантов на Ленинскую премию, и надеется, что заводские народные массы за него заступятся, чего никогда не будет. Тут зашел какой-то старенький пухленький человек и, оглядев меня, спросил:

— Сколько вам лет, молодой человек?

Это был старый инженер Борис Григорьевич Шерман, который давно вышел на пенсию, но остался на заводе заниматься общественной деятельностью, поскольку все родственники были его ровесниками, и с ними ему было скучно.

Я ответил, что мне двадцать два года, и в ответ услышал:

— О, вам еще долго до пенсии.

Мне захотелось на воздух. Я спустился в пустынный заводской двор, в центре которого росли три дерева, и под одним из них увидел скамейку. Посидев немного, я устыдился, что бездельничаю у всех на виду, встал, открыл первую попавшуюся дверь и оказался на сырьевом участке ферритового цеха.

Но как же безобразно выглядел этот участок! Полумрак, грохочущее оборудование, силуэты рабочих в грязных спецовках, большинство из которых — женщины; прямо каменный век какой-то. Двое мужчин подняли громадный металлический чан с желтым сухим порошком и высыпали его в смеситель, лопасти которого подхватили порошок и начали перемешивать с какой-то жидкостью. Желтая пыль клубилась над смесителем, и желтыми были лица рабочих, белели только глаза. «Наверное, внутри у них тоже все желтое. А что с ними будет, если заработают все смесители, стоящие рядом?» — подумал я и ужаснулся.

Рабочие с грохотом поставили на пол опустевший чан и вдруг обратили на меня внимание.

— Ты откуда такой чистенький взялся? Даже без халата, — удивился один из них.

Я объяснил откуда. Рабочие оживились.

— Ты, наверное, с высшим образованием, парень?

Я подтвердил, что да, с высшим. В ответ рабочие еще больше оживились.

— А раз так, поспедействуй, чтоб на нашем участке норматив на спирт увеличили. Оборудование протирать надо. Да и глотку тоже. Ты посмотри, какая она желтая, — сказал мой собеседник и широко раскрыл рот. Его напарник поразмышлял и тоже раскрыл рот. Я испугался и ответил, что нормативы на спирт не в моей компетенции. Рабочие закрыли рты и помрачнели.

— А что в твоей компетенции? — строго спросил один из них.

— Если не можешь увеличить норматив на спирт, зачем ты вообще нужен? — рассердился другой.

Вопрос был логичный, но ответа я не знал и, промямлив что-то, вышел из участка через другую дверь.

Передо мной открылся производственный пейзаж, который по контрасту с заготовительным участком показался мне даже красивым, тем более что было светло благодаря окнам во всю стену и люминесцентным лампам, горевшим и днем и ночью. Два ряда грохочущих прессов, похожих на обезноженных роботов, и стоявшие в небольшом отдалении от них электрические туннельные печи напомнили мне кадр из какого-то фантастического фильма. Печи были небольшие, метров двадцати длиной, но зато их было штук десять, и из них беспрерывно выползали керамические плитки с ферритовыми изделиями различной конфигурации.

Внезапно передо мной возник мой сокурсник Вадим, носивший диковинную фамилию Моцартов. Его я никак не ожидал здесь увидеть.

Как-то в институте я нечаянно подслушал разговор двух незнакомых студентов.

— Моцартов, правда красивая фамилия? — спрашивала одна.

— Правда. И сам он всегда такой чистенький, опрятненький. Прямо как хомячок, — отвечала ей подруга

Соединение Моцарта с хомячком меня насмешило, тем более, на мой взгляд, при своем небольшом росте он был похож не на хомячка, а на чисто вымытого поросенка — всегда такой розовый, свеженький. Учился Моцартов неплохо, но к нему относились с недоверием, потому что он частенько нес несуразицу. Например, сообщил нам, что знает способ, как добиться любой женщины. На вопрос, что за способ, он ответил: надо стать перед ней на колени. Только и всего.

— Ты как здесь оказался? — удивился я.

— Так же, как и ты. По распределению.

— Ты знал, что меня тоже сюда распределили?

— Знал, — с достоинством ответил он и добавил: — Я уже почти месяц работаю здесь мастером. Вот халат мне рабочий выдали, чтобы я не запачкался.

Новенький синий халат ему совсем не шел, но, похоже, он им очень гордился как символом так удачно начавшейся трудовой жизни. «Так вот оно что. Зная, что меня тоже сюда распределили, он специально вышел на работу пораньше, чтобы захватить лучшее место. Отпуска не пожалел, хитрюга», — подумал я.

Моцартов выглядел очень довольным собой, а зря. Через три месяца его из цеха прогнали, вернее, перевели в какой-то отдел, откуда он вскоре исчез. Говорили, что он устроился в какой-то НИИ, написал там через несколько лет диссертацию и занял припеваючи. Но тогда Моцартов стоял передо мной гордый, что успел занять замечательную должность, которая, как минимум, приведет его в кресло главного инженера.

— Покажи мне цех, — попросил я. — Что здесь самое интересное?

Он маленькими шажками быстро-быстро побежал по цеху, а я за ним. Наконец он остановился с видом человека, желающего показать цеховую достопримечательность.

— Вот смотри! Мой стол, — произнес он важно.

Я посмотрел: стол как стол, с одним выдвигным ящиком, покрытый бумагой, прикрепленной кнопками к крышке стола, но Моцартов, видимо, искренне считал, что это и есть самое примечательное место в цехе.

— Мои люди, — сказал он еще более важно и раскрыл один из двух лежавших на столе канцелярских журналов.

Я увидел список фамилий, ничего мне не говоривший, но Моцартов явно испытывал кайф.

— Нет, ты посмотри, сколько у меня людей. И какие люди. — Он ткнул пальцем в список. — Вот Нина Ивановна Шумейко, лучшая обжигальщица цеха, а вот Алла Цесарская, самая красивая работница завода. Кстати, вот она, посмотри. Да не сюда смотри. Туда...

Я посмотрел — действительно красивая, только намазанная очень.

— Ты мне лучше цех покажи, — попросил я.

— Нет у меня времени. Мне задание писать надо. Видишь печи? Не напишу, они пустые пойдут. А ты сам походи по цеху. Будет что неясно, приходи, всегда объясню, — покровительственно сказал он и открыл другой журнал, куда стал быстро что-то записывать.

— Начни с массозаготовки, она вон там, — буркнул он, уже не глядя на меня.

— Да я там уже был.

— Понравилось? — усмехнулся Моцартов.

— Нет.

— Тогда на разбраковку сходи, посмотри, как измерения ферритов проводят. Кстати, вот мастер участка идет.

В проходе появилась худющая женщина с очками на длинном носу. Она тащила за ухо низкорослого мужичонку и приговаривала:

— Матюшкин, паразит, опять зенки залил. Вон отсюда, чтоб и духу твоего поганого здесь не было!

Мужичонке удалось освободить ухо, и он стал оправдываться:

— Бог с вами, Евдокия Филипповна! И всего-то выпил кружку пива в обеденный перерыв, — но слова эти на нее не подействовали.

— А я говорю: вон из цеха. И смотри не вздумай прийти за зарплатой без жены. Без нее ничего не получишь.

Они исчезли за дверью, а я походил немного по цеху и вернулся в свой отдел.

Следующие три недели я просидел там безвылазно, читая технологические инструкции и слушая диалоги сотрудниц о Стравинском, Ван Гоге, вкусной и здоровой пище — в общем, обо всем на свете. Не касались мои сотрудницы по неведомым мне соображениям только политики, эротики и технологии изготовления ферритов.

На четвертой неделе я понял, что отсюда надо бежать. Но куда? Три года я был обязан отработать на одном месте. Значит, надо подыскивать внутри завода другую работу.

— Ты скоро успокоишься, — сказала мне одна сотрудница. — Я тоже думала, окончу вуз, будет интересная работа, а оказалась здесь. Теперь уже никуда отсюда не уйду. Я ведь что знала, все забыла. Ты здесь посидишь года три, тоже все забудешь.

Но я не хотел все забывать и записался на прием к настоящему главному инженеру, и через неделю он меня принял.

Главный инженер оказался плотненьким человеком лет за пятьдесят с хорошими манерами и умением моментально обаять собеседника. Он пожалел, что был в отпуске, когда я появился на заводе.

— Разумеется, я не направил бы вас заниматься бумажками, — улыбнулся он. — Молодому специалисту нужен простор. Потерпите месячишко, и мы решим вашу судьбу самым благоприятным для вас образом.

Я ушел окрыленным, но прошло два месяца, а в моей судьбе ничего не менялось. И как-то старший технолог ферритового цеха Юрий Михайлович Суханов сказал мне:

— У ОГТ дурная слава. Вот вчера, например, спустили к нам инструкцию на печь, которую давно выкинули. Не надо тебе там работать. Попробуй договориться с начальством: пусть отпустят тебя ко мне на стажировку.

Я стал ему помогать и быстро понял, что должность Суханова не для слабонервных. Каждое утро его обступала толпа «толкачей», точнее, «толкачек», понаехавших со всех концов необъятной страны и требовавших немедленно выдать им на руки упаковку (или несколько упаковок) с ферритами, без которых их предприятия простаивали. Но заказы в срок исполнялись через раз, потому что номенклатура ферритов была громадной, а технология еще не до конца отработанной. На самый верх непрерывно шли жалобы заказчиков, которые оборачивались начальственным гневом на всех уровнях. Я лично держал в руках правительственную телеграмму с резолюцией директора: «Депремировать все руководства цеха в текущем квартале», но это еще что. До прихода Суханова в цех был случай, когда из-за ошибки технолога остановились тридцать три завода, и кто-то из руководства получил инфаркт, а цехового технолога выгнали.

Меня подобные перипетии пока не затрагивали, и я с радостью помогал Суханову, пока однажды случайно не услышал разговор двух цеховых мастеров:

— Ходит тут, вынохивает. Нахватается верхушек, и нас снимут, а его поставят. С Галей это уже случилось. На место рабочей лошади усадили осла дипломированного.

Они явно имели в виду Моцартова. Тогда шла всесоюзная кампания по замене мастеров-практиков на дипломированных специалистов, пусть без опыта, и когда Моцартов появился на заводе, директор вспомнил, что в ферритовом цеху нет ни одного специалиста, включая Суханова, с высшим образованием. Его трогать не решились, зато мастера ответственного участка опытейшую Галину Ивановну (Галю, которую жалели мастера) разжаловали в простую обжигальщицу, а Моцартова поставили на ее место.

Когда я начал помогать Суханову, Моцартова с участка уже выгнали, Галину Ивановну вернули на законное место, и меня после неудавшегося эксперимента с Моцартовым на «живое место» никто ставить не собирался. И все равно на меня косо посма-

тривали все «практики», за исключением мастера выходного участка Евдокии Филипповны Федоровой (или просто Филипповны), той самой женщины, которая на моих глазах таскала за уши выпившего рабочего. Эта боевая тетя никого и ничего не боялась.

- Что это за работа для молодого парня — бумажки писать, — говорила она мне.
- Да, в ЦЗЛ (Центральную заводскую лабораторию) бы, — мечтательно вздыхал я.
- Перейдешь туда — будешь ученый, как наша Елена, — язвила Филипповна. — Теперь она там первый специалист. Приходит в цех, руки на мягкое место кладет и раздает советы. Забыла, как из-за нее стеллажи от брака ломались и ее из цеха турнули.
- А куда мне, по-вашему, следует идти, если не в лабораторию?
- Ясно куда. В цех.
- Так в цеху, как и в лаборатории, мест нет.
- Как это нет? — удивлялась Филипповна. — Иди бригадиром ко мне. Может, со своим дипломом ты революцию здесь у меня устроишь. Повзрослеешь, меня сменишь. Со временем технологом станешь. А пока тебе просто по возрасту рано командовать людьми. Ну, попробуй покомандуй мной. Как это у тебя получится? — и она грозно смотрела на меня.

В ответ я смеялся. Мол, в чем только душа держится, а туда же, пугает. Но как я узнал позже, это была душа старой морской волчицы (до войны она плавала на танкере помощником радиста). И повадки остались с тех времен, стоило посмотреть, как лихо она закуривала на ветру. За жизнь она накопила массу отрицательной энергии и, не стесняясь, одаривала ею сотрудников. Даже директор, принимая ее в своем кабинете, вдруг сказал:

- Что вы на меня так смотрите? Я вас не боюсь.
- А чего меня бояться. Вы директор, а я простой работник, — отвечала Филипповна, пересказывая этот разговор. По-моему, она гордилась, что напугала самое высокое начальство завода.

Так прошло два месяца. Я встретил в коридоре главного инженера, и он сказал на ходу:

- Не думайте, что вы забыты. Я все время думаю только о вас.
- С этими словами он исчез в своем кабинете, а я понял, что ждать мне от него нечего, и сильно приуныл.

Но случилось неожиданное. Начальник ферритового цеха ушел в НИИ, его заместитель по фамилии Самсонов стал начальником, Суханов сделался его заместителем, а на место Суханова никого не нашли: место было уж очень горячее. Кому только не предлагали должность Суханова — все отказались. И тогда кто-то вспомнил:

- А тут молодой специалист по цеху бегаёт, может, его поставим?
- Идея никому не понравилась, но лучшей не было, и я перешел в цех.
- Советоваться надо, прежде чем принимать такие решения, — изрекла начальница соседнего цеха, и это надо было понимать так: дурак ты дурак, куда полез.
 - Ничего, постоит цех из-за тебя дня три, сразу поймешь, во что вляпался, — посочувствовала мне одна девушка из ОГТ.
 - Сожрут тебя цеховые бабы, ой сожрут, — пожалела меня другая девушка.
 - Ладно, чего вы его пугаете, — заступилась за меня третья девушка. — Молодой специалист в первые три года может хоть завод подорвать, и ему ничего не будет.

Вот с такими напутствиями я появился в цехе и первой о своем переходе сообщил Филипповне.

- И кем ты у нас будешь? — спросила она строго.

— Старшим технологом вместо Суханова.

— Что ж, поработаешь четыре года, будешь орденоносец. Как он. Ты знаешь, что он орден недавно получил? Нет? А должны были мне дать, да, видно, забыли, кто первые детали прессовал. Я прессовала, а все за пресса прятались. А на меня не сердись. Я ведь какая: все в глаза скажу и забуду. Зато в работе можешь понадеяться, в работе я хороша.

Слова «все в глаза скажу» меня не обрадовали, но от других мастеров я и таких слов не дождался. При виде меня лица у них каменели, и, пробурчав явно не поздравление, они исчезали, демонстрируя занятость. Такая реакция меня пугала, но отступить было поздно.

Моей ежедневной обязанностью стал подбор технологических режимов для огромного количества ферритовых изделий различных марок и конфигураций. Причем изготавливались они из небольших партий сырья, и каждый подбор превращался в небольшую научно-исследовательскую работу. К собственному удивлению, эта работа мне так понравилась, что какое-то время я говорил только о ней.

В то время я встречался с девушкой по имени Леля. Вообще-то, ее звали Олей, а Лелей называли в детстве, но ей больше нравилось это имя. С ней я познакомился в том самом июле сразу по окончании института, последнем месяце моей абсолютной свободы.

Только спустя годы я понял, что Леля была лучшей девушкой в моей жизни: красивой, умной, очень образованной (для меня это тогда было важно) и некапризной — одним словом, девушкой без недостатков. Однажды когда мы сидели с ней на кухне у нее дома и я рассказывал о своей очередной технологической победе, она удивилась:

— Что-то не пойму. Ты всегда говорил, что к технике не способен, к науке тем более, и вдруг такая увлеченность.

— А в моей работе высокие научные знания не требуются. Главное, уметь логически мыслить. А с этим у меня все в порядке, — объяснил я.

— Насчет логики не уверена. Ты, по-моему, собирался писать пьесу. Или передумал?

— Я не передумал. Но нужен материал. А служба — отличный наблюдательный пункт.

— Так ты лазутчик. А как начальство к тебе относится?

— Очень хорошо. Мне даже зарплату прибавили. Я теперь буду получать сто десять рублей плюс ежемесячную премию рублей шестьдесят.

Размер моей зарплаты произвел впечатление. Леля после института работала в Библиотеке Академии наук и получала там мизер, рублей восемьдесят в месяц.

— Ты действительно будешь столько зарабатывать? — переспросила она.

— Буду, — с достоинством подтвердил я.

— Теперь за тебя можно выходить замуж, — заявила она, но я эту реплику пропустил мимо ушей, и у нее испортилось настроение. Она вдруг заявила, что устала, и мне пришлось идти домой.

А мой медовый месяц в цехе скоро закончился из-за, как ни парадоксально, все возрастающей популярности ферритовой техники. Но обо всем по порядку.

С тех пор, как в журнале «Техника молодежи» появилась схема транзистора, собрать его своими руками посчитал делом чести практически каждый интересующийся техникой молодой и не очень человек. Но транзистора без ферритовой антенны нет, а мощностей, чтобы обеспечить ими не только заводы, но и магазины радиодет

талей, не хватало, и наши антенны появились на барахолке. Оперативники МВД кого-то задерживали при попытке вынести антенны за проходную, и ничего не менялось: к радости радиолюбителей, наши антенны как продавались на барахолке, так и продолжали продаваться. В таких условиях от нас потребовали производить на тех же мощностях антенны, способные работать при низких температурах; мы их называли «антеннами для Арктики».

В те дни обо всем касавшемся освоения Арктики докладывалось Хрущеву лично, и однажды ему сообщили, что для внедрения арктических средств связи нового поколения в стране есть все, кроме одной детальки, а именно — ферритовой антенны, и положили ее ему на стол. Деталька оказалась двухсотмиллиметровым керамическим стержнем небольшого диаметра без всякой электроники внутри. Внимательно осмотрев ее со всех сторон, Хрущев постучал ею по столу и спросил:

— Из чего это сделано? Из кирпича? — после чего гневно воскликнул: — Дожили, уже простого кирпича сделать не можем!

Ему объяснили, что деталька не из кирпича, а из нового магнитного материала, называемого феррит, и по эффективности она сравнима с антенным штырем длиной в один-два метра. Но для ее массового производства оборудования в стране нет.

— А в Европе небось оно есть? — возмутился Хрущев.

Ему ответили, что в Европе для этой цели используются установки фирмы DORST, аналогов которых у нас пока нет.

— Ну, так закупите их у этой самой фирмы. Денег, что ли, будем жалеть на Арктику? — заключил Хрущев.

Процесс закупки оборудования DORST был немедленно запущен, но антенны для Арктики были нужны сейчас, и нашего директора регулярно вызвали в Москву, как тогда говорили, на ковер. Ожидая приема высокого начальства, он, как и другие директора, жевал для успокоения модные тогда депрессанты седуксен и элениум, а вернувшись на завод, орал на начальника цеха:

— Где антенны для Арктики? Когда, наконец, я перестану из-за вас выслушивать упреки начальника главка и министра? Вы мне за эти антенны своей головой ответите!

У начальника цеха было один ответ:

— У нас, сами знаете, технолог — молодой специалист.

— А Суханов у вас какой специалист? Тоже молодой? — орал в ответ директор.

Вернувшись в свой кабинет, начальник цеха вызывал Суханова и предлагал:

— А давайте-ка мы наше молодое дарование вернем в ОГТ или еще куда следом за Моцартовым.

Суханов с ним не соглашался, потому что знал: с моим уходом брака меньше не станет, зато исчезнет отговорка про виновного во всем молодого специалиста.

Начальник нашего цеха появился на заводе чуть раньше меня. Где и кем он работал прежде, никто не знал, но замашки у него были сталинского наркома, не меньше. Он обожал распекать подчиненных и всегда начинал с Филипповны, поскольку ее участок был выпускной. Обычно их разговор заканчивался так: дверь его кабинета с грохотом распахивалась, и она выскакивала из его кабинета с криком: «Один нашлепал (то есть напрессовал), другая (Галина Ивановна) обожгла, третий (это я) проспал, а Филипповна расхлебывай!». После этого Самсонов вставлял фитили всем подряд, поскольку ничего другого делать не умел, но от его фитилей брак в цехе не уменьшался.

Как-то после очередного визита Филипповны он вызвал меня и проскрипел прокуренным голосом:

— Слушайте, у меня голова от всех вас трещит. Вот Евдокия Филипповна! Пришла, понимаете, без вызова и разоралась. Разберитесь, с чего она орет.

— Тут и разбираться не надо. Кто-то спустил дурацкую директиву об увеличении норм выработки, и разбраковщицы стали пропускать брак, чтобы не терять в зарплате, — стал объяснять я.

— Нормы увеличены по моему распоряжению.

Самсонов посмотрел на меня стеклянными глазами и пододвинул газету, лежащую на его столе.

— Вы читали сегодняшний номер «Правды»?

— Нет, не читал, — удивился вопросу я и чуть не добавил, что эту газету вообще не читаю, но благообразно промолчал.

— Зря, — с чувством сказал Самсонов. — День непременно следует начинать с «Правды». Вот это прочтите.

Он ткнул пальцем в заметку под названием «Рабочая совесть — лучший контролер!». Там сообщалось, что сознательные рабочие на каком-то предприятии сами потребовали пересмотреть нормы выработки, разумеется, в сторону увеличения.

— Это не про нас, — усмехнулся я в ответ.

— Вы что же, хотите сказать, что у нас не советские рабочие? — возмутился Самсонов. — Считайте, я вашу аполитичную реплику не слышал. Это для вас лучше будет. И сделайте так, чтобы Евдокия Филипповна не появлялась у меня регулярно со своими криками.

— Гарантировать не могу.

— А уж вы постарайтесь, — усмехнулся он и недобро посмотрел на меня.

Через несколько дней после этого разговора возле моего рабочего стола возникла бригадирша с участка Филипповны по имени Ксана, высокая тетя за сорок с косою на затылке, чтобы моложе выглядеть.

— У нас ящики с бракованными антеннами весь участок заполнили. Вот думала я, что с ними делать, и надумала: я их вам на стол поставлю, — заявила она.

Это была наглость. Какая-то тетка, с которой я никогда и словом не перекинулся, заявила с угрозами. Ее примеру другие тетки могли последовать — желающих повеселиться за мой счет хватало. «Такого допустить никак нельзя», — подумал я и пригрозил:

— Только попробуйте. Вылетите вместе с ящиками!

Ксана, не ждавшая от меня такой прыти (вроде приличный парень, всем говорит «спасибо», «пожалуйста»), удалилась, не сказав больше ни слова. Я почувствовал угрызения совести, типа женщина старше меня в два раза, а я ее как бы обругал. Нехорошо!

Тут вбежала Филипповна с зажатыми в кулачке бракованными антеннами и, грозно взглянув на меня сквозь сползавшие с носа очки, закричала:

— Ты что это позволяешь себе, змей? Весь цех завалил браком, и слова тебе не скажи? Ну, погоди у меня!

Подняв над головой кулачок с антеннами, она исчезла за дверью Самсонова, а через несколько минут вышла оттуда уже без них и, не взглянув на меня, гордо прошла мимо. Тут же Самсонов вызывал меня к себе.

— Помните: мне надоело защищать вас перед директором, — заорал он, как только я вошел. — Антенны кривые, столбики косые, у одних п-образных ферритов ножки врозь, у других ножки вместе.

На этом месте он облизнулся, словно им овладела эротическая фантазия, и продолжил:

— Займитесь наконец всерьез своим профессиональным делом или признайте свою профнепригодность. Дорога в ОГТ открыта.

Я пытался что-то объяснить, но Самсонов поставил точку зычным командирским голосом:

— Свободны!

С этого дня во всех цеховых бедах у Самсонова оказывался виноват один я, а Филипповна превратилась в его главного консультанта. Каждое утро, зажав в кулачке бракованные детальки, она поднималась к Самсонову, а потом он вызывал меня и кричал про ножки, которые то врозь, то вместе (эта метафора ему очень нравилась), а главное, про вечно кривые антенны для Арктики. Я в буквальном смысле невзвидел белого света — не замечал, еще день или уже стемнело, а придя домой, валился с ног.

Как-то Леля пригласила меня на спектакль гастролировавшего тогда в Ленинграде театра «Олд Вик». Шел спектакль «Как важно быть серьезным» по пьесе Оскара Уайльда, и зал был переполнен — еще бы, первый раз из самой Англии театр приехал. Но синхронный перевод отсутствовал, и я с тоской смотрел на часы: «Вот уже девять, спектакль скоро закончится, а завтра — „сверкающий и новый день“. Чем-то он мне сверкнет? Не иначе как новым разговором с Самсоновым». Отвлекал меня от мрачных мыслей только периодически возникавший смех небольшой части зрителей, знавших английский язык, к зависти остальных.

На следующий день, когда я пришел в цех, Самсонов уже был на месте. У дверей его кабинета меня чуть не сбита с ног выскочившая оттуда разъяренная Филипповна. Она пробежала мимо, блеснув очками, и не удостоила взглядом. «Дурное предзнаменование», — подумал я и не ошибся. Следом за ней из кабинета выглянул Самсонов и, увидев меня, сказал не без ехидства:

— Утро начинается с рассвета. Готовьте доклад директору, как собираетесь дальше жить. Вопросы есть?

— Что конкретно его интересует? — попытался я уточнить задание.

— Все интересует. Еще вопросы есть? Вопросов нет, — за меня ответил Самсонов и исчез за дверью своего кабинета.

Я подумал, что Филипповна опять ему что-то наговорила, и отправился к ней на участок.

— Евдокия Филипповна, что случилось? Из-за чего меня Самсонов заставляет перед директором отчитываться? — спросил я ее с ходу.

— И он еще спрашивает! — возмутилась Филипповна. — Да ты раньше меня должен знать, где какой беспорядок. Подойди к любой работнице, она покажет.

Работницы, казалось, не слышали наш с Филипповной разговор, но это было не так. Я подошел к той, что сидела с краю, и она стала терпеливо объяснять:

— Смотрите! На антенне скол и раковина. А у этой диаметр завышен, она в шаблон не пролезает.

Другая работница показала на грудку антенн и сказала недовольным тоном:

— Смотрите, антенны совсем не замеряются.

Она показала на застывшую стрелку включенного прибора.

— Ферриты — не кирпичи, — пошутил я и переключил прибор на другую частоту.

Стрелка ожила, и тут за моей спиной возникла Ксана. Она вдруг решила мне посочувствовать, но очень своеобразно.

— Бедный вы, бедный! — запричитала она. — На что вы свою молодость тратите! Бегите отсюда! Здесь вы пустое место, им и останетесь.

— Ну, почему же пустое, — заступилась за меня работница, которой я только что наладил прибор. — Он в своем деле понимает.

— Ни черта он не понимает, — перебила ее Филипповна, и все, кто были на участке, засмеялись.

«Змея. Очковая змея! — подумал я про себя. — Пора валить отсюда вслед за Моцартовым».

С этим я рванул с участка к начальнику цеха, но в его кабинете обнаружил одного Суханова.

— Что с тобой? — спросил он удивленно. — Словно из бани выскочил.

— Ухожу из цеха, — объявил я. — С Филипповой я работать не могу.

— Не можем же мы выгнать ее по твоему желанию. Она опытный мастер, — резонно заметил Суханов. — Налаживай отношения с цеховыми работниками сам.

— Как, а главное, зачем? Самсонов все равно выживет меня из цеха. Велел зачем-то писать доклад директору. Наверняка не для того, чтобы тот меня похвалил.

— Не для того, — согласился Суханов. — А ты пиши, раз велено, и не бойся. Никто тебя не тронет без моего согласия. Я тебя породил, я тебя и убью.

Он уткнулся в свои бумаги, а я вернулся на свое рабочее место. Писать заявление об уходе мне расхотелось. Неожиданно ко мне в предбанник заглянул немолодой незнакомый мужчина в калошах и довоенной фетровой шляпе.

— Молодой человек, позвольте представиться, я из городского клуба ДОСААФ, — обратился он ко мне. — Подскажите, кто здесь самый большой любитель мотоспорта?

Я удивленно посмотрел на него и почему-то брякнул:

— Самая большая любительница мотоспорта в цехе — Евдокия Филипповна Федорова. Она страсть как любит острые ощущения. Пройдите через весь цех и легко ее найдете.

Мужчина спустился в цех и без труда нашел Филипповну. Я как бы по своим делам последовал за ним.

— Меня прислали к вам как любительнице мотоспорта, — радостно сказал он ей. — Завтра соревнования, и я полагаю, мы не отстанем от молодых, поболеем за «Трудовые резервы»...

— Погодите, — перебила она его. — Не поняла, чего я любительница?

— Мне сказали, что вы любительница мотоспорта. Разве не так?

— А кто вам сказал, что я любительница этого, как его...

— Мотоспорта, — охотно подсказал мужчина.

— Вот-вот. Так кто? — переспросила она голосом, не предвещавшим мужчине ничего хорошего, и заметила меня. — Этот дурачок, что ли?

Работницы, которые слышали этот неожиданный диалог, засмеялись.

— Да и сами-то хороши, — продолжила Филипповна. — Видите, человек пожилой. Знала бы вас лучше, сказала бы, чего я любительница. В общем, идите подобру, — махнула она рукой.

Мужчина укоризненно посмотрел на меня.

— Нехорошо смеяться, молодой человек, нехорошо. Мы всего повидали, во всяких переплетках бывали, все волосы потеряли.

Он сдернул берет и блеснул совершенно лысой головой, после чего исчез. А Филипповна пошла по участку, приговаривая:

— Ишь, змей, чего придумал. Любительница мотоспорта. Это я-то!

Она засмеялась, а до этого я ее смеющейся никогда не видел.

Как ни странно, после этой глупой истории Филипповна чуть-чуть потеплела ко мне. А вскоре в цехе появился человек, благодаря которому отношение Филипповны ко мне и вовсе смягчилось. Этим человеком оказался Борис Григорьевич Шерман, тот самый чудак, который в мой первый день на заводе посочувствовал, что мне далеко до пенсии.

Однажды он подошел ко мне в цехе, вежливо поздоровался и сообщил:

— У меня хорошая новость. На заводе создается общественное конструкторское бюро. Я назначен его главным инженером. Хочу привлечь вас к его работе, но вначале один вопрос: откуда гниет рыба?

— С хвоста, — не задумываясь, ответил я.

Борис Григорьевич помрачнел.

— Послушайте! Нам с вами предстоит чрезвычайно серьезный разговор. Но вначале я все-таки хочу получить ответ на свой вопрос. Это необходимо для понимания вашего мироощущения. Итак, откуда все-таки гниет рыба?

— С хвоста, — повторил я и посмотрел на Бориса Григорьевича невинными глазами.

— С вами невозможно разговаривать, — возмутился Борис Григорьевич. — Я отказываюсь иметь с вами дело. С кем я могу поговорить о производстве с большим толком?

— Поговорите с Евдокией Филипповной, — не раздумывая, посоветовал я.

— Кто такая Евдокия Филипповна?

— Не знаете Евдокию Филипповну? Странно. Она — старейший работник завода. Вы ее найдете на участке разбраковки, в самом конце цеха.

Я показал Борису Григорьевичу, как ее найти, и он коротенькими шажками пошел в указанном мной направлении. Но я ходил быстрее и нашел Филипповну раньше его.

— Евдокия Филипповна! У меня громадная просьба. Сейчас к вам подойдет маленький толстый человек и спросит, откуда гниет рыба. А вы ему ответьте: с хвоста. Договорились? — выпалил я.

— А зачем он ко мне придет? — поинтересовалась Филипповна.

— Про это он вам сам расскажет. Так договорились?

— О чем? — не поняла Филипповна.

— О том, что скажете ему: рыба гниет с хвоста. Это очень надо.

— Кому надо?

— Мне надо, — пояснил я. — Так договорились?

— Договорились, отстань, — процедила Филипповна и склонилась над пачкой накладных.

На участке появился Борис Григорьевич и вежливо спросил у первой же работницы, как ему найти Евдокию Филипповну.

— Я Евдокия Филипповна, — отозвалась она.

— Очень приятно, слышал про вас много хорошего, — расшаркался Борис Григорьевич.

— От кого вы про меня слышали? — строго посмотрела на него Филипповна.

— От людей, — дипломатично ответил Борис Григорьевич и, сказав еще несколько льстивых слов, запел знакомую уже мне песню:

— У меня хорошая новость, Евдокия Филипповна. На заводе создается общественное конструкторское бюро. Я назначен его главным инженером. Меня зовут Борис Григорьевич. Фамилия — Шерман. Наверняка вы обо мне слышали.

— Слышала, — подтвердила Филипповна, хотя, скорее всего, ничего она про него не слышала.

— Вот и хорошо, — обрадовался Борис Григорьевич. — Нам с вами предстоит чрезвычайно серьезный разговор. Но вначале один вопрос: откуда гниет рыба?

— С головы, — сказала Филипповна и печально посмотрела на меня, мол, прости, но глупости говори сам, если нравится.

В этот момент Борис Григорьевич меня заметил.

— Вот! — победно воскликнул он. — Вот с кем можно и нужно иметь дело. С Евдокией Филипповной у нас состоится большой и серьезный разговор. С ней состоится, а с вами, — он сердито посмотрел на меня, — нет, не состоится.

— Ну и пожалуйста, — улыбнулся я и пошел к себе в предбанник, полагая, что Филипповна его выгонит через пару секунд.

Но я ошибся. И через час, и через два Борис Григорьевич все еще сидел рядом с ней, и они с явным удовольствием о чем-то беседовали — наверно, о качестве калибров, которые часто оказывались бракованными. А о чем им еще было говорить в их возрасте? Я полагал, больше не о чем.

Прошло два месяца. Борис Григорьевич появлялся на участке Филипповны почти каждый день, и она радовалась его приходу, словно юная девушка. А если его долго не было, поднималась ко мне и спрашивала, словно невзначай:

— Слушай, а где твой Борис Григорьевич?

— Он не мой, — отвечал я обычно.

— Но ты ведь его ко мне привел, — логично возражала она. — В общем, увидишь, скажи, что я еще целую кипу чертежей с ошибками нашла. Пусть вправит мозги, кому следует.

Вот это да! Обычно люди из заводоуправления, если им что-то надо, бегают за цеховыми работниками, а те их посылают подальше, мол, отстаньте, не видите, что ли, некогда! А тут наоборот: Филипповна, можно сказать, сама бегала, и за кем? За чудачком — общественником!

Теперь при встрече с Борисом Григорьевичем я всегда говорил ему, что Филипповна его жаждалась. В ответ он обнадеживающе улыбался:

— Передайте Евдокии Филипповне, что непременно к ней зайду. Как появится свободная минута, так и зайду.

Как-то Борис Григорьевич пришел ко мне с просьбой помочь ему оформить техническое задание на какой-то агрегат.

— Что это вы держитесь за голову? — спросил он для начала. Я ответил, что голова разболелась.

— Хорошая голова не болит, — заключил Борис Григорьевич и посмотрел на меня с сомнением: стоит ли вести со мной серьезный разговор, но все-таки изложил суть дела. Я ему помог, а когда он собрался уходить, его заинтересовала бумага на моем столе.

— Заборная карточка, — прочитал он. — Что это означает?

— По этой карточке выдают молоко, — объяснил я. — Там числа стоят. Каждый день мне бесплатно положена бутылка молока.

— Но ведь сегодня 23 марта. А талоны за предыдущие числа не вырезаны.

— А я не брал в этом месяце молоко.

— Не любите?

— Почему же, люблю. Просто некогда было.

— Как же так? Вам непременно нужно пить молоко. Здесь, в цехе, ужасная атмосфера, — разволновался Борис Григорьевич.

— Да не верю я в волшебные свойства молока.

— Нет, вы неправы. Вам обязательно нужно пить молоко, — настаивал Борис Григорьевич и предложил: — А давайте молоко вам буду брать я.

— Не надо мне молока. Если хотите, Борис Григорьевич, возьмите эту карточку и пейте его на здоровье.

— Вы это серьезно? — удивился Борис Григорьевич.

— Серьезней не бывает.

— А давайте я буду брать молоко один день — себе, а один — вам.

— Ради бога, мне оно не нужно, — успокоил я его. — Кстати, вы можете забрать молоко за все прошедшие дни месяца.

— Серьезно? Так я же зальюсь молоком по самую шею, — обрадовался Борис Григорьевич.

— Заливайтесь на здоровье, — улыбнулся я.

— Что ж. Карточку вашу я забираю.

— Дарю, — заключил я разговор.

Он положил карточку во внутренний карман пиджака и вышел очень довольный неожиданным приобретением.

А на следующий день я заболел. Поднялась температура, вызвали врача, и тот уложил меня в постель. На работу я вышел только через неделю и, когда подошел к своему столу, на видном месте увидел свою заборную карточку на молоко, ту самую, которую накануне болезни отдал Борису Григорьевичу. К карточке была приколота записка. Вот ее текст, слово в слово: «Мой юный друг! Будь жив Марк Твен, он написал бы про вас целый роман. Если бы людям давали бесплатно хлеб, они бы и от него не отказывались, а вы, чудак, от молока! В ожидании снижения у вас температуры и давления Борис Григорьевич».

Это было последнее известие от Бориса Григорьевича. Больше я его никогда не видел. Филипповна рассказала мне, что у него в семье кто-то тяжело заболел и он больше на завод приходить не сможет. Она еще долго его вспоминала.

— Славный был дядечка, — говорила она, — знающий, культурный, костюм на нем всегда с иголочки. Я, бывало, скажу ему: «Борис Григорьевич! Вы бы надели на себя чего похуже, а то, не ровен час, замажетесь, и пропадет ваш костюм. Ведь это — цех. Тут и масло машинное, и порошки всякие липучие — измазаться недолго». А он мне в ответ: «Я считаю, Евдокия Филипповна, что надо уважать людей и не ухудшать им настроение неопрятным внешним видом. А костюм нужно уметь носить. В крайнем случае от жирного пятна всегда можно избавиться с помощью авиационного бензина». А еще, не поверишь, он мне стихи читал. «Быть можно дельным человеком и помнить о красе ногтей», — неожиданно продекламировала она и добавила: — Я думаю, он их сам написал. А ты как считаешь?

— Может, и сам, — улыбнулся я, — только, помнится, эти строчки до него сочинил Пушкин.

— А я думаю, это его стихи, — не согласилась со мной Филипповна. — Уж больно они ему подходят: башковитый и за собой следит — взглянуть приятно. Жаль человека. В страшный период своей жизни он вступил. Тебе это не понять, молодой еще.

Я сочувственно покивал головой, но подумал, что у меня сейчас тоже невеселый период. Самсонов каждый день кричал, что по моей вине и ни по чьей больше цех завален кривыми ферритовыми антеннами, косыми столбиками и п-образными, у которых ножки то врозь, то вместе, причем про ножки упоминал, как всегда, с эротическим придыханием. А Филипповна, наоборот, ко мне подобрела и даже удостоила чести выслушивать ее далеко не комплиментарные оценки окружающих.

— Начальник-то наш всю семью на завод устроил и хвастается: «Моя жена, мои дети такие культурные». Дескать, он тоже культурный, а сам, когда поест, пальцы облизывает, сколько раз замечала. Вот тебе и культурный, — говорила она про Самсонова, и я, хотя ни разу вместе с ним в столовой не был, кивал в знак согласия. Уж больно он меня достал.

Когда она нелестно отзывалась о людях, мне симпатичных, например о мастере обжиги Галине Ивановне, сочувственно ко мне относившейся, я кривился, но Филипповна твердила свое:

— Галя-то, экая курица. Когда-то у меня на участке работницей была. И не самой сильной работницей. А теперь, видите ли, мастер наравне с Филипповной. Думает, сделалась мастером, так и умной сразу стала.

Постепенно я узнал ее мнение практически обо всех работниках завода. Хорошо она отозвалась только об одном человеке, да и тот к тому времени давно уволился.

Вспоминался Собакевич, который говорил: «Один там только и есть порядочный человек в городе: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

Иногда она рассказывала про свою жизнь. Оказалось, что танкер, на котором она когда-то плавала, был интернирован в Гамбурге, и всю войну она провела в немецком концлагере. Там ей пришлось работать на военном заводе, где она и ее подруги исхитрялись сдавать на склад готовой продукции капсули без детонаторов. В концлагере она заработала язву, из-за которой и была такой худой. «Я язва снаружи и язва внутри», — говорила она про себя. Рассказывала она и про своего бывшего мужа-алкоголика. И про ребенка, мальчика шести лет. А самой Филипповне оказалось тридцать девять лет. Как странно! А я думал, все пятьдесят.

Она действительно никого не боялась. Как-то на совещании Самсонов намекнул, что осчастливил всех нас, когда возглавил цех.

— Мое начальство на прежней работе очень не хотело меня отпускать к вам, но смирилось, потому что здесь я нужнее, — гордо сказал он и нарвался на реплику Филипповны:

— Хороших работников так просто не отпускают.

Самсонов от такой наглости даже замолк.

А вот другой случай. В цехе обсуждалось персональное дело рабочего, мотавшего когда-то срок за убийство, а сейчас задержанного за уличную драку. Первым выступил Суханов и после нескольких слов осуждения предложил взять его на поруки. Тут же высочила Филипповна с лицом, красным от возмущения:

— Юрий Михайлович еще молод. Молод! А мы хорошо знаем таких голубчиков. Как же, жалеите, берите на поруки этого изверга. Только он вас при случае не пожалует, даже не сомневайтесь.

Цеховое собрание не прислушалось к словам Филипповны. Правда, спустя какое-то время он все равно сел в тюрьму. А тогда после собрания Филипповна говорила мне:

— Другого и нечего было ждать. У него тут дружки, они доложат ему, кто и что говорил на собрании. Вот каждый и боится, что выйдет из проходной, а ему сзади дадут по голове камнем. Или того хуже — кувалдой.

О том, что ее саму могут ударить камнем по голове, она не думала.

Как-то, когда я был у нее на участке, зазвонил телефон. Филипповна сняла трубку и, помрачнев, передала ее мне:

— Тебя спрашивают.

Звонил директор.

— Вы что, хотите, чтобы я вам вместе с вашим начальником по выговору объявил? — закричал он в трубку. — Вы хоть понимаете, что до вашего прихода на завод мы годами делали антенны, а теперь ни одной штуки сдать не можем?

Директор перепутал: годами здесь делали антенны для транзисторов, которые и при мне более или менее регулярно попадали к заказчику, а производство антенн для Арктики, из-за которых наверху стоял сыр-бор, начали осваивать перед самым моим приходом на завод, но объяснить это я не успел — он трубку повесил.

На участке появился Суханов. Он знал, что меня разыскивает директор, и хотел знать за чем. Я рассказал.

— Выходит, Самсонов продолжает про тебя лапшу вешать, — сделал вывод Суханов и неожиданно эмоционально заключил: — Сволочь!

Я обрадовался, что Суханов на моей стороне, но Филипповна оценила его слова по-своему.

— Как тебе, Юра, не стыдно! — воскликнула она. — Ты не защищаешь молодого специалиста. Ведь ты, Суханов, бывший старший технолог, никуда не делся, а антен-

ны для Арктики идут в брак. Думаешь, твое «сволочь» в адрес Самсонова, когда тот не слышит, кому-нибудь поможет? Как бы не так!

Суханов отошел с обиженным видом, не сказав ни слова. И тут же по телефону меня вызвал к себе Самсонов.

Когда я зашел в его кабинет, вид у него был свирепый. Похоже, директор звонил не только мне. Не предложив мне присесть, Самсонов с ходу заорал, что опять антенны кривые, у п-образных ферритов ножки то врозь, то вместе и ему надоело отвечать перед директором за это безобразие. Делая страшные глаза, он повысил голос еще на тон или два и прокричал, ударяя после каждого слова кулаком по столу:

— Чтобы мне в этом месяце десять тысяч антенн и сто тысяч п-образников, как одна штучка!

Последний удар был так силен, что письменный прибор на его столе подлетел в воздух, а карандаши и ручки рассыпались по полу. Казалось, еще немного, и Самсонов проломит мне голову.

Неожиданно для себя я тоже ударил кулаком по столу и пискнул:

— Не смейте повышать на меня голос!

Подбородок у Самсонова задергался, и мне показалось, что от огорчения он сейчас заплачет.

— Вы горько пожалеете о том, что сейчас совершили, — пробормотал он почти жалобно и повторил: — Будете жалеть всю жизнь.

Честно говоря, я испугался — черт его знает, что теперь от него ждать; одна надежда, что к вечеру остынет и про меня забудет. Но Самсонов ничего не забыл и в конце рабочего дня созвал совещание, на котором в сотый раз вспомнил про кривые антенны, косые столбики, ножки врозь и ножки вместе, а также про следователей МВД в цехе и, разумеется, про правительственные телеграммы из-за антенн для Арктики. Виновником всего этого безобразия, по его мнению, являлся молодой специалист (то бишь я), и если уважаемые мастера с ним согласны, он, Самсонов, с легкостью избавит от меня цех. Это была хитрость: с помощью мастеров Самсонов рассчитывал сломить сопротивление Суханова, не дававшего прогнать меня из цеха, а что мастера его поддержат, Самсонов не сомневался — не зря же их лидер Филипповна каждое утро жаловалась на меня. А чтобы у них по моему поводу не оставалось сомнений, он добавил, что я и человек так себе: самоуверен, не соблюдаю субординацию (только подумайте: сегодня замахнулся кулаком на него, начальника цеха) и вообще грубиян. Но тут он промахнулся. Мастера устали от его собственного хамства и напомнили ему про корову, которая лучше бы не мычала, а молчала, тем более когда в цехе нормы выработки завышены, оборудование устарело, а условия труда ужасные, особенно на массоготовке, где его никто ни разу не видел, наверно, он боялся костюм испачкать. В заключение со всей, так сказать, пролетарской прямоотой ему сказали, что цехом он руководить не способен. На том совещание и закончилось, а что его собрали из-за меня, все забыли.

Но оно имело продолжение. О том, чем кончилось то совещание, узнал директор, и Самсонов окончательно впал в немилость. Он стал убежать из своего кабинета, как только звонил директорский телефон на его рабочем столе, и по этому поводу веселился весь цех. Но от судьбы убежать нельзя, и через месяц после неудачного для Самсонова собрания его сняли. До последнего дня пребывания в цехе Самсонов руководил в своем стиле: распекал подчиненных, стучал кулаками, просматривал сводки сдачи продукции — в общем, давал своеобразный пример мужества.

Его перевели в заводоуправление, где он проработал до своего ухода на пенсию. Грозный нрав применять ему стало негде, и он превратился в тихого незаметного клер-

ка. Иногда мы сталкивались в коридоре, и он приветливо со мной раскланивался. Как-то я поинтересовался, чем он теперь занимается, и услышал, что в его ведении патентная чистота заводских изделий.

— Вы неправильно называете род своей деятельности, — пошутил я. — Следует прозвонить не патентная чистота, а импотентная.

Шутки он не понял и на каком-то совещании у главного инженера под общий хохот выпалил-таки вместо «патентная чистота» — «импотентная». Я когда узнал об этом, даже не пожалел несчастного Самсонова, а подумал: «Это каким самомнением надо обладать, чтобы с такими знаниями братья за руководство цехом».

Подошло время моего отпуска. Мы собирались поехать с Лелей в Батуми, где жили мои родственники, но не получилось, и я поехал в Батуми один.

До сих пор не могу забыть этот чудесный город, куда можно было добираться без всякой визы: изумрудное, еще не пропахшее нефтью море, бесконечный прибрежный бульвар, где располагались уникальный по красоте летний театр и еще не снятый с постамента суровый памятник Сталину. По вечерам этот бульвар заполнялся молодежью, и в разных углах его слышалось многоголосое грузинское пение. А грузинские вина! Названия «Тетра» и «Твиши» я запомнил на всю жизнь, хотя больше никогда и нигде этих вин не видел.

Весь отпуск я провел в компании бывших учеников моей любимой тети Нади, директора одной из батумских школ и по совместительству преподавателя русского языка и литературы, приехавших домой из разных городов страны кто в отпуск, а кто на каникулы. Это был полный интернационал: русские, грузины, армяне, евреи. Аджарец среди них оказался только один, тихий скромный парень по имени Кадыр, хотя Батуми являлся столицей Аджарской автономной республики.

Один из моих новых знакомых, представитель титульной нации Алик Бурдули, пригласил меня в гости к родителям, которые жили в горах, и там меня накормили обедом. Его мама рассказала, что таким же обедом кормили Хрущева в Тбилиси, и он сказал: «С грузинским обедом можно даже гвоздь проглотить». Ей и ее мужу похвала Хрущева грузинской кухне явно польстила, и я подумал, что, видимо, грузины простили Хрущеву разоблачение культа Сталина, хотя сразу после его знаменитого доклада в Грузии были волнения.

Когда мы с Аликом возвращались в город, он вдруг закурил в автобусе, и никто не обратил на него внимания, даже контролер.

— Зачем ты это сделал? — не понял я

— Специально, чтобы ты удивился.

— У вас можно курить в автобусе?

— Можно, если очень хочется.

— Но кроме тебя, в автобусе никто не курит.

— Значит, никому не хочется курить, — загадочно улыбнулся Алик, намекая, что у батумцев особенный менталитет.

Всей интернациональной компанией мы ходили в горы, объездили дивные курорты Аджарии: Кобулету, Махинджаури, Зеленый Мыс, Цихисдзири, и эти названия до сих пор звучат для меня как музыка. Было так хорошо, что за время отпуска я забыл и про Филипповну, и про Самсонова, и про все, что связано с моим заводом и антеннами для Арктики.

Но меня на заводе не забыли. Первым, кого я встретил после отпуска, пройдя через проходную, оказался главный инженер, который вальяжной походкой шел по пустому заводскому двору. Обычно он редко меня замечал, а тут остановился, и в его

глазах обнаружился интерес к моей особе. «С чего бы это вдруг? — подумал я. — Наверно, хочет сообщить, что все-таки из цеха меня прогнали», — решил я. Но он всего лишь поинтересовался:

— Где так нос спалил?

— В Батуми, — ответил я растерянно.

— Видно, хорошо отдыхал, — сказал главный инженер и пошел дальше.

«Значит, не выгнали», — подумал я и пошел в цех, где сразу налетел на Филипповну.

— А, явился! Как раз вовремя. Тебя новый начальник ждет не дождется, — сообщила она новость вместо приветствия.

— У нас новый начальник? — удивился я.

— Уже месяц почти. И все про тебя спрашивает: «Когда он наконец выйдет? Ну, когда?»

— Ладно смеяться. А какой он, новый начальник?

— Как тебе сказать? Для меня — чересчур молод.

Я засмеялся (трудно было представить Филипповну в роли эдакой романтической героини) и задал важный вопрос:

— А скажите, он лучше Самсонова или хуже?

— Новая метла по-новому метет, — загадочно сказала Филипповна.

— Тут маши не маши, ничего не изменится, — вздохнул я.

— Изменится, — возразила мудрая Филипповна. — Руководство окажет новому начальнику всю необходимую помощь.

— Что ж оно Самсонову не оказывало?

— А чего ему помогать? Он по проторенной колее ехал: покупал сырье, что подешевле; станки устаревшие. Все фонды экономил, вот и доэкономился.

Новый начальник оказался, как теперь говорят, молодым технократом тридцати трех лет, правда, выглядел старше. Как-то на комсомольском собрании он сказал: «Мы молодежь...» — и в ответ получил общий хохот: человек старше тридцати тогда молодым не считался.

Филипповна держалась с ним поначалу как с новеньким на флоте: дерзила, пыталась ткнуть носом, куда ей хотелось, но он быстро заставил ее сменить тон. Ей даже пришлось расстаться со своей любимой Ксаной. У меня при первой же встрече спросил:

— Скажите честно: как долго вы собираетесь у нас работать?

Я и ответил честно:

— Проработаю положенные три года и уйду, не век же мне в цехе пыль глотать.

На что получил соответствующую ответку:

— Спасибо за честный ответ. И я так же честно вас предупреждаю: буду искать вам замену.

«Кто за язык тянул, — тут же мысленно обругал я себя. — Выгонят, и сразу в голове прояснится, каково честно отвечать, не подумав».

Новый начальник действительно стал подыскивать мне замену, но желающих на мое место не нашлось. Тем не менее он разговаривал со мной сухо и только по работе — зачем тратить время на человека, который не собирается служить в цехе до конца своих дней?

Между тем в цехе наконец появилось оборудование фирмы DORST, о котором шла речь на уже давнем совещании у Хрущева. Это были две машины, похожие на громадные мясорубки, которые должны были решить проблему антенн для Арктики, а задно и всех других антенн.

Новое оборудование — это прекрасно, да только чиновники министерства решили сэкономить и приобрели оборудование без технологии — видимо, вспомнили рассказ Лескова про Левшу, который английскую блоху подковал. А тут ситуация вроде проще: набивай камеру гигантской «мясорубки» ферритовой массой, а на выходе вместо фарша получай заготовки антенн. Но у нас в цехе Левша не работал, и заготовки из DORSTа во время обжига раскалывались на несколько частей. За месяц мы ни одной целой антенны так и не получили.

Как-то прямо с работы с мундштуком от установки DORST на пальце (как он там оказался, до сих пор понять не могу) я приехал в театр, где мы встретились с Лелей. Рядом случайно оказался знаменитый артист Михаил Андреевич Глузский, которого мой мундштук чрезвычайно заинтересовал. Он смотрел на него, смотрел и вдруг спросил:

— Извините, молодой человек, что у вас за штука на пальце?

Я, дабы показать Леле свое остроумие, сказал, сохраняя серьезную мину, что эта деталь от ядерного реактора Физико-технического института имени Иоффе, которую я случайно унес, и теперь из-за моей оплошности в городе наверняка поднялся уровень радиации. И еще спросил у знаменитого артиста, не носит ли он с собой счетчик Гейгера.

— Счетчика Гейгера у меня и дома нет, — сказал он, и в глазах его я увидел шуточный испуг. — А надо иметь?

— А как же. В наше время даже в булочную с ним надо ходить, — изрек я.

— Но у вас-то счетчик Гейгера с собой?

— К сожалению, нет. Вместо него я случайно взял эту детальку.

Михаил Андреевич Глузский задумался. Испуг в его глазах исчез.

— А мне почему-то кажется, что эта штука похожа на мундштук для протяжки пластмассы, — неуверенно сказал он и улыбнулся.

«Видимо, этот артист знает не только сцену», — с уважением подумал я.

А на следующий день произошло чудо. Я подошел к немецкой «мясорубке» и услышал, как рабочие повторяют:

— Жиды! Жиды!

— О каких жидях идет речь? — поинтересовался я.

Оказалось, что в ферритовую массу кто-то случайно влил не тот реактив, и из DORSTа она выходила жидковатой или, как говорили рабочие, «жидела». Чтобы добро не пропало, я попросил добавить в злополучную смесь сухого порошка, и впервые антенны вышли из печки целехонькими.

Это был мой звездный час. Я подсчитал, сколько в смеси оказалось случайного реактива, для чего хватило знания таблицы умножения, и дело пошло — проблема антенн для Арктики была решена. На радостях цеху выделили неплохую премию, а меня даже отметили грамотой, хотя, по существу, ее надо было вручить нерадивой работнице, которая перепутала реактивы.

После успеха с антеннами в качестве дополнительного бонуса я получил неделю более-менее спокойной цеховой жизни, а потом все вернулось на круги своя. Ферритов различных марок и конфигураций в цехе по-прежнему изготавливалось великое множество, а Филипповна осталась Филипповой, и, как и во времена Самсонова, из кабинета начальника регулярно слышалось ее коронное: «Один нашлепал, другая обожгла, третий проспал, а Филипповна — расхлебывай». И по-прежнему вечерами, когда мы шли с Лелей в гости или гулять, я смотрел на часы и думал: «Вот уже девять, вечер скоро закончится, а завтра — сверкающий и новый день. Чем-то он мне

сверкнется? Не иначе как новыми жалобами Филипповны и тяжелым разговором с новым начальником».

Ко всему в последнее время наши отношения с Лелей осложнились.

Как-то после работы мы с ней встретились у проходной завода, чтобы поехать в сельские гости, и налетели на Филипповну. Та бесцеремонно ее рассмотрела и на следующий день, когда рядом никого не было, сказала прочувствованно:

— Какая хорошенькая у тебя девушка. И вежливая. Поздоровалась со мной так приветливо. Не похожа она на нынешних, у которых ни стыда, ни совести. Ведь вот когда ты при людях берешь меня под руку — мне стыдно. Честное слово даю. А им ничего не стыдно. А эта девушка — чудная. Как смутилась, когда я на нее посмотрела. Женись на ней. Лучше девки все равно не найдешь.

В тот вечер по дороге из гостей невдалеке от ее дома Леля остановилась и вдруг сказала:

— Давай поженимся и уедем куда-нибудь.

Я обалдел! С чего это она вдруг? Мне казалось, к таким заявам объект готовить надо исподволь, а не сразу — бах по башке. И потом, что означает «уедем куда-нибудь»? Чем ей здесь плохо? Может, с мамой поссорилась? Так не уезжать же из-за этого. Тем более мама у нее интеллигентная — преподает что-то в университете, не должна на дочь ругаться уж очень сильно.

Меня тогда совсем не привлекали матримониальные хлопоты. Еще свежа была в памяти поездка с преддипломной практики из Москвы в душном плацкартном вагоне, где и на первых, и на вторых, и даже на третьих полках по какому-то совпадению обитали недавно поженившиеся пары. И на всех этих полках девушкам не хватало удобств, они капризничали, а у их счастливых мужей был достаточно глупый вид. Глядя на это массовое счастье, зависть, естественно, у меня не возникла. А еще в моей голове прочно сидел недавний эпизод, как, выйдя однажды из дома Лели, я встретил знакомую девушку, у которой имелся замечательный муж, и вместе они выглядели счастливой, можно даже сказать, образцовой парой. Увидев меня в чужом районе, она спросила с тревогой:

— Уж не женился ли ты? — и получив отрицательный ответ, с чувством сказала:

— Ну, слава богу!

Порадовавшись, что я все еще не женат, она исчезла, как оказалось, навсегда, но реплика ее произвела впечатление:

— Вот это счастливая жена! Выходит, брак — это опасная штука, с ней лучше не спешить.

Пока я все это вспоминал, Леля выжидательно смотрела на меня. Потом ей это надоело.

— Не иди за мной, — прошептала она и побежала к своей парадной, а я пошел домой.

На следующий день, придя с работы, я позвонил Леле, но ее не было дома. То же я услышал от ее мамы на следующий день, и еще через день, и через два, а на пятый день понял, что она не хочет со мной разговаривать. «Ничего, сама позвонит», — подумал я и успокоился.

Прошел месяц, за ним второй, а Леля не звонила. В то время весь город для меня состоял из знакомых. Это сейчас я хожу по родному городу, как чужой: никого не встречаю, словно все знакомые вымерли. А тогда куда бы ни шел: в кино, театр или просто пройтись, обязательно знакомых встречал. То же было и с моими друзьями. И один из них в не очень счастливый вечер увидел в Летнем саду мою Лелю под ручку с каким-то пижоном. «Пусть она ходит, с кем хочет», — подумал я со злобой. Но когда еще двое моих друзей один за другим увидели ее, видимо, с тем же пижоном, я при-

шел в ярость, но сообразил, что драться с ним или умолять ее: «Вернись, я все прошу» — бесполезно. Исправить ситуацию можно было только одним способом: предложить руку и сердце, но к этому я точно был не готов.

Все же я не выдержал, заявился к Леле без звонка, и она пустила меня в квартиру.

Стоял ноябрь, Леля готовилась к зиме. Как только я вошел, она скомандовала:

— Помогай мне клеить окна.

Бумага для клейки окон уже лежала на столе. Мне было поручено наносить на нее клейстер, после чего подавать Леле, которая, забравшись на подоконник, заклеивала этой бумагой щели в окнах. Работа оказалась приятной: я подавал клейкую бумагу Леле и, как бы оберегая от падения, прихватывал ее за коленки и объявлял:

— Спокойно, я на гимнастической страховке!

Леле моя страховка пришлась по душе: она смеялась, и работа спорилась, но, к сожалению, быстро закончилась. Пришло время объяснений. Мы уселись друг против друга, и я мрачно сказал:

— Говорят, ты появляешься в свете с каким-то типом.

Я надеялся услышать что-нибудь, вроде это просто знакомый или дальний родственник, а услышал:

— За этого типа я выхожу замуж.

В голосе Лели звучали победные нотки.

— Когда свадьба? — промямлил я после паузы.

— Через неделю.

— Кто он? В смысле, чем занимается?

— Он аспирант института, где ты учился.

— Ах, вот как. Может быть, мы с ним даже знакомы.

— Может быть.

— А теперь почти родственники.

— Считай, как хочешь.

— Это надо же, — сказал я осуждающе, — всего два месяца знакомы — и замуж.

— Мы познакомились год назад на дне рождения подружки, — торопливо возразила она. — Помнишь, ты еще не смог пойти?

— Что-то припоминаю.

— Я ему сразу понравилась. Он мне целый год звонил. И вот... дозвонился.

— Молодец! — сказал я с чувством. — Но ты-то хороша. Неужели так срочно нужно замуж?

— Да, нужно срочно. Потому что в нашем роду женщины быстро стареют.

«Самое время думать о старости», — усмехнулся я про себя и встал. Делать в этом доме больше было нечего.

У самой двери Леля остановила меня. На глазах ее были слезы.

— Хочешь что-то сказать? — спросил я.

— Нет, — ответила она, но слез в ее глазах стало больше.

— Может, не стоит спешить со свадьбой? На счастливую невесту ты не похожа.

— Ничего, я возьму себя в руки. Иди!

Слезы на ее лице вдруг пропали, а взгляд стал решительным, мол, ты не мычишь, не телишься, а я должна устраивать свою судьбу, с тобой же старой девой остаться можно.

Не сказав больше ни слова, я вышел из квартиры Лели, моей девушки без недостатков. Казалось, навсегда. Но через две недели она позвонила:

— Я хочу тебя видеть.

— И я хочу тебя видеть, — ответил я. — Но скажи, ты вышла замуж?

— Да, — услышал я.

— И о чем теперь говорить? — воскликнул я.

— Послушай, одно твое слово, и я все ломаю. Понимаешь, одно слово.

Это было так же неожиданно, как недавнее: «Давай поженимся и уедем». И опять я был не готов принимать решение. «Нехорошо это — сбивать с толку девушку. Она устроила свою жизнь, и не мне ее ломать», — мысленно изобразил я благородство и поспешил закончить разговор. Но через минуту звонок раздался снова.

— Ты обиделся? — услышал я в телефонной трубке голос Лели.

— Нет, я не обиделся.

— Я знаю, ты обиделся. Прости меня, пожалуйста.

— Тебе не за что просить прощения.

— И все-таки прости.

Наступила пауза. Я почувствовал, еще секунда, и совсем истончившаяся связь между нами оборвется, если я не скажу ей что-нибудь вроде: «Давай уедем, куда скажешь. Укажи лишь место мне на глобусе, где мы вечно будем счастливы с тобой», разумеется, в пределах границ, дальше было нельзя. Но я был молод, самонадеян, исполнен уверенности, что таких Лель встречу еще не меньше десятка, и ничего такого ей не сказал. Откуда мне было знать, что брошенная мимоходом фраза мудрой Филипповны «...женись на ней, лучше девки все равно не найдешь» окажется пророческой, и я буду вспоминать свою девушку без недостатков всю жизнь.

Но как не понимал тогда, не понимаю я и теперь: неужели она настолько боялась в свои двадцать четыре года остаться старой девой, что поспешила замуж за первого встречного? Впрочем, как справедливо заметил Бродский: «Причин на свете нет, есть только следствия. И люди — жертвы следствий».

Прошел год. Филипповна сохранила боевой дух, новый начальник энергию, а я получил прибавку к зарплате — целых пятнадцать рублей. Как сказал один деятель, «жить стало лучше, жить стало веселей». Но с какого-то времени моя боевая работа стала казаться мне рутинной. Каждый день одни и те же люди, изделия, проблемы. Захотелось ездить по городам и весям, общаться с интеллектуалами. При удачном раскладе все это можно было обрести в солидном научно-исследовательском институте (НИИ), которых в городе было немало, но мне объяснили: чтобы попасть в любой из них, нужны связи. А когда эти связи нащупывались, люди при должностях говорили примерно одно и то же: у них как раз сокращение штатов, и обещали позвонить, как только оно закончится.

Грозные слова — сокращение штатов — я не раз слышал в детстве от окружавших меня взрослых, причем одна половина из них ожидала сокращения, а другую уже сократили, и тогда еще я усвоил: сокращение штатов — это ужасный дамоклов меч, занесенный над работающими людьми. Но у нас в цехе никаких сокращений не было, в других заводских подразделениях вроде тоже. А вот в НИИ, видимо, сокращения никогда не заканчивались, потому что время шло, а мне оттуда никто не звонил.

Прошел еще год. Я почти смирился, что до конца своих дней буду вести напряженные диалоги с Филипповой. Но вдруг со мной пожелал встретиться Порфирий Лукьянович Стрелец, начальник лаборатории, которая разрабатывала аналоги ферритов для гидроакустических глубоководных антенн.

Порфирий Лукьянович был человеком особенным. Юношей он приехал в Ленинград с Украины, окончил институт и пошел работать на завод. Там вступил в партию, и его, как тогда говорили, «выдвинули» на партийно-хозяйственную работу. Верши-

ной его карьеры на этой стезе стала должность не то председателя, не то заместителя председателя горисполкома города Выборга, которая оказалась смертельно опасной для здоровья.

Вскоре после войны Порфирий Лукьянович, как и полагалось ему по должности, принимал ленинградское начальство — Попкова и Кузнецова со свитой. В честь их приезда был устроен банкет, установили стол буквой «П» и во главе посадили дорогих гостей. Как мне рассказывал Порфирий Лукьянович, перед начальственными гостями поставили коньяк и икру, а перед остальной мелкотой водку, селедку. Произносились тосты за Сталина, за победу, за Попкова, Кузнецова, и Порфирий Лукьянович внес вклад в это дело: произнес тост за славных партизан Ленинградского округа. Тост понравился. Начальственные гости закричали: «Стрелец, иди сюда!» — и ему коньячку налили. А когда началось «ленинградское дело», ему этот коньячок припомнили — он был уволен с формулировкой «За пьянку с антипартийными элементами» и, разумеется, исключен из партии. При этом ему была оказана высокая честь: партбилет у него отобрал лично Фрол Козлов, на тот момент самый большой ленинградский партийный начальник.

Потом начались суды и расстрелы. Как рассказывал Порфирий Лукьянович, они шли по кругу. Вначале расстреляли крупных начальников: Попкова, Кузнецова, Вознесенского и иже с ними. Потом чуть более мелких. Порфирий Лукьянович был человеком железной воли, но поделаться было ничего нельзя, и он в ожидании своего часа искал работу. По большому благу его взяли на самую низшую инженерную должность в Институт гидроакустики.

Через год умер Сталин, а в 1956 году комиссия по реабилитации вернула Порфирию Лукьяновичу партбилет. Когда зачитывалась его характеристика, тот самый Фрол Козлов остановил чтение со словами: «Не надо читать дальше. И так известно, это наш человек». Позже Порфирий Лукьянович так комментировал слова Козлова: «Сволочь! А когда отнимал у меня партбилет, он не знал, чей я человек?»

После реабилитации жизнь у Порфирия Лукьяновича в Институте гидроакустики наладилась. Некоторое время он даже был секретарем парткома и снискал славу хорошего оратора, громя идеологически нестойких элементов. В институте его побаивались, хотя при случае он мог и помочь. В качестве бонуса за безупречную партийную деятельность в НИИ Порфирий Лукьянович получил должность начальника небольшой научной лаборатории, и в его жизни начался совершенно новый этап. Проснувшийся в нем интерес к науке плюс природные организаторские таланты превратили незаметную маленькую лабораторию в одно из важнейших подразделений института.

Однажды лабораторию посетил знаменитый в то время академик Смоленский и спросил у Стрельца:

— Порфирий Лукьянович, а почему вы не занимаетесь пьезокерамикой на основе титаната бария? Вроде это по вашему профилю.

— Как же, занимаемся, — ответил Порфирий Лукьянович по партийной привычке говорить начальству то, что оно хочет слышать, хотя об этой пьезокерاميце он только что впервые услышал из уст академика.

Сразу после его отъезда Порфирий Лукьянович приказал сотрудникам поднять всю имевшуюся по неожиданно возникшей теме литературу — нашу и зарубежную. Ее оказалось достаточно, а с мозгами у Порфирия Лукьяновича было все в порядке, и спустя некоторое время вожделенная пьезокерамика была синтезирована. Более того! Материалы, разработанные в лаборатории Стрельца, удалось внедрить на двух серийных заводах, и слава о нем пошла по всей Руси великой. Неудивительно, что во время очередного посещения Института гидроакустики, академик Смоленский предложил

в связи с большими заслугами Порфирия Лукьяновича предоставить ему возможность защитить кандидатскую диссертацию. Так почти в шестьдесят лет Порфирий Лукьянович Стрелец стал кандидатом технических наук, неслыханный до этого случай.

Я созвонился с Порфирием Лукьяновичем и в назначенное им время подъехал к Институту гидроакустики, где обитала его лаборатория. Меня встретила девушка в белом лаборантском халате и повела через громадный пустой двор в какое-то мрачноватое здание. Там на втором этаже мы остановились перед массивной дверью. Постучав, она осторожно просунула голову через дверь и спросила:

— Порфирий Лукьянович, к вам можно запустить посетителя?

— Давай его сюда, — услышал я немолодой голос и оказался в небольшом кабинете, где за массивным столом сидел, как мне тогда показалось, очень старый человек (на самом деле ему не было шестидесяти) с крупной седой головой.

— Смелее заходи, — обратился он ко мне сразу на «ты» и встал из-за стола. Роста он был небольшого, но широкоплечий, из-за чего фигура его казалась почти квадратной. — Ты посиди здесь, отдохни, а я покажу начальству кое-какие документы и вернусь.

Он вышел, прихватив со стола какие-то бумаги, а я стал осматриваться. Обстановка строгая: стол, плоский шкаф со специальной литературой, кожаный диван спартанского вида, на котором, как я позже услышал от злоязыких сотрудниц, Порфирий Лукьянович любил вздремнуть после обеда, так сказать, насладиться серебряным сном. Среди казенной мебели кабинета выделялся огромный аквариум, стоявший на тумбочке. У нас на заводе аквариумов никто не держал — от работы ничто не должно отвлекать, а тут такая красота. Множество разноцветных рыбок словно наперегонки носились туда-сюда, а одна, серебристая с черной полоской, остановилась и уставилась на меня одним глазом, как бы приглашая рассмотреть ее повнимательней.

— Понравилась рыбка? — спросил вернувшийся Порфирий Лукьянович.

— Очень. А как эта называется? Не знаете, случайно?

— Совершенно случайно знаю. Она называется тетра-фон-рио, — улыбнулся Порфирий Лукьянович.

— Надо же, рио, да еще с приставкой «фон». Наверно, благородных кровей?

— Самых благородных холодных кровей, — заулыбался Порфирий Лукьянович, одновременно внимательно меня рассматривая.

— А эти рыбки? — продолжал я изучать рыбок, не замечая, что меня самого изучают.

— Это меченосцы. Меч у них на хвосте.

— И что они делают этим мечом?

— Ничего не делают. Этим мечом они отличаются от самок. Если дерутся, то зубами. А вообще, мирная рыба, — заключил нашу ихтиологическую беседу Порфирий Лукьянович и сел на свое место за столом. — Давай о деле. Сядь и расскажи о себе.

Я стал рассказывать про работу в цехе и упомянул, как благодаря нерадивой работнице мы наладили производство антенн для Арктики.

Порфирий Лукьянович оживился.

— Почти все великие открытия сделаны случайно, — заявил он и прочитал маленькую лекцию. В ней он вспомнил о профессоре Рентгене, который и думать не думал ни о каких лучах, пока однажды не засветил нечаянно пачку фотопластинок. А француз Анри Беккерель перенес в кармане соль урана и себе бок прожег. Так была открыта радиоактивность. Наконец, на головы скольких людей падали яблоки? А задумался, почему они падают вниз, а не летят, скажем, вверх, один Ньютон и открыл закон тяготения.

— Так что ты в одном ряду с Ньютоном, — засмеялся он и тут же стал серьезным.

— Я вот зачем тебя позвал, — сказал он доверительно. — Мне нужен парень, причем толковый. А то в лаборатории одни бабы. Знаешь, как тяжело с ними? В командировку поехать не могут. Семья. На работе задержаться — тоже. Слово не так скажешь — слезы, истерика. Парень — другое дело. Ему шею намылишь, только быстрее бегать станет. Мне бы сюда двух хороших парней — я бы пять баб выгнал. Чем мы здесь занимаемся, знаешь?

— Примерно.

— Ну и хорошо. А теперь пошли в отдел кадров.

Мы прошли через двор в главное здание института, и там в отделе кадров я заполнил все полагающиеся документы.

— О том, что с завода собираешься уйти, раньше времени не распространяйся. Вдруг нашего директора блоха укусит, и он нам с тобой откажет, хоть и не должен, — посоветовал Порфирий Лукьянович, когда мы вышли из отдела кадров, и добавил: — Как только заявление твое будет подписано, я позвоню. Номера твоих телефонов, рабочий и домашний, у меня есть.

Прошла неделя, потом вторая, а мне никто не звонил. Я не выдержал и позвонил Порфирию Лукьяновичу.

— Твое заявление еще не подписано. Жди, — сказал он сухо.

Пока я с ним разговаривал, в мой предбанник вошла Филипповна и, когда я повесил трубку, спросила:

— С кем ты там переговоры ведешь, змей? Никак задумал черное дело? Сбежать хочешь?

— А вам жалко будет? — огрызнулся я.

— А ты как думаешь, — она даже всплеснула руками. — Это теперь даже я иногда с тобой советуюсь. А пришел к нам долдон долдоном. Уйдешь — другого долдона дадут. Опять с ним мучайся, жди, когда чему-то научится. А может попасться такой долдон, что его и научить ничему нельзя. Вроде того, с музыкальной фамилией.

— Моцартов, — догадался я.

— Вот-вот. Такое он воспоминание о себе оставил, что как вспомню, так вздрогну. А потом говорят: Филипповна груба.

Через месяц после этого разговора Стрелец все-таки позвонил и сказал коротко:

— Пиши заявление об уходе. Ждем.

Заявление я написал на следующий день и, как положено, принес его начальнику цеха.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — сказал он с сожалением и размашисто написал в верхнем углу моего заявления: «Товарищ перерос свою должность в цехе. Необходимо сохранить его на заводе».

Через секретаря я передал заявление с этой резолюцией директору, и тот переправил его главному инженеру с припиской: «Переговорите с товарищем».

Главный вызвал меня к себе и с отстраненным видом (мол, велел мне директор поговорить с тобой — я и говорю) произнес коротенькую речь о перспективах завода и, посчитав, что достаточно уделил мне внимания, спросил:

— Так есть ли смысл после сказанного уходить? Ведь мы тебя растили, воспитывали? «Особенно ты меня воспитывал», — про себя усмехнулся я и ответил:

— Нет, решение мое окончательное.

— Как знаешь, — заключил главный инженер вполне равнодушно и начертил на моем заявлении: «Тверд в заблуждении».

Я снова передал его директору и спустя две минуты получил обратно с вердиктом: «Уволить с отработкой двенадцати дней».

- Ты действительно уходишь, или врут? — спросила меня Филипповна.
- Не врут, — ответил я.
- И начальник согласился?
- А что он может сделать? Гуманное советское законодательство не позволяет держать меня насильно.
- Пусть дает тебе сто восемьдесят рублей, двести рублей.
- Да нет у него в штатном расписании таких денег. И дело не в деньгах. Просто так надо, — загадочно улыбнулся я ответ.

Не мог же я объяснить Филипповне, что уйду, как мне казалось, в другую прекрасную светлую жизнь, где не будет ежедневных головоломок, утомительных совещаний, подвыпивших настройщиков и еще многого, с чем я сталкивался в цехе каждый день.

- Ай-ай, — совсем расстроилась она. — Значит, наукой будешь заниматься?
- Если повезет.
- Что ж, может, и правильно. Только когда ученым станешь, не зазнавайся сильно. Помни, кто тебя первой науке в цехе учил.

Она завела старую песню о том, какая она замечательная, как учила меня и помогала во всем, а я вдруг вспомнил слова одной работницы: «Она вас клевала, клевала, а вы стояли перед ней жалкий, как цыпленочек, а она вас все клюет, клюет».

— Да ладно вам, Евдокия Филипповна. Хотите по-честному? Вы не столько помогали мне, сколько мешали, — выпалил я и тут же прикусил себе язык, но было поздно.

— Я мешала тебе? — переспросила она дрогнувшим голосом и посмотрела на меня удивленно и жалобно. — Как же ты мог сказать такое? Да я все, что могла, для тебя, мальчишки, делала. А ты... Ты оказался...

Она не произнесла слова, которого я заслуживал, а отвернулась и вышла из цеха.

Потом я много раз видел во сне, как припоминаю ей свои обиды, а она, как от удара, прикрывает лицо рукой, и мне становится стыдно и страшно, а исправить ничего нельзя. И еще мне потом казалось, что этот будущий сон промелькнул у меня перед глазами сразу после моей дурацкой реплики.

На следующий день Филипповна на работу не вышла — сказали, приболела, а я решил, что ей противно меня видеть, потому и взяла больничный. Какой-то голос в моей голове стал твердить: «Не будет тебе удачи на новом месте. Извинись перед Филипповной, иначе будет худо». А другой голос, видимо обличительный, возражал: «Извинись, чтобы не было худо — в этом весь ты».

Так, во внутренних бореньях, я дожил до своего последнего дня на заводе. В кабинете начальника цеха накрыли стол, и уже бывшие сотрудники стали желать мне всяческих удач.

Филипповна все еще была на больничном. Я узнал ее адрес и написал письмо, мол, простите великодушно, ляпнул не то по глупости, всегда ценил вас как знающего и душевного человека. Позже Суханов рассказал мне, что с моим покаянным письмом Филипповна ходила по цеху и приговаривала: «Вот какая я, читайте. Какая я!»

Прошло два года. Однажды Порфирий Лукьянович вызвал меня к себе и спросил:

- Помнишь, ты рассказывал, что на своем заводе, подобно Рентгену и Ньютону, сделал открытие, решившее проблему антенн для Арктики?
- Такого никогда не говорил, — возмутился я. — Это вы в шутку сравнили меня с великими учеными.
- Я сравнил? — удивился шеф. — Ну, пускай я. Важно, что открытие было. Вот и повтори его на наших антеннах. Тем более они тоже для Арктики.
- Но ведь у нас в институте нет установки DORST.

— Нет, — согласился Стрелец. — Но у нас есть деньги. Мы организация не бедная, купим любое оборудование. Но вначале надо эксперимент провести, чтобы начальство прониклось.

Я понял, к чему он клонит, а он продолжил:

— Понимаю, когда человек уходит с работы, он рвет за собой мосты. Но наверняка на заводе остались люди, которые к тебе хорошо относятся. Они-то тебе и помогут.

Никаких мостов я за собой не рвал, и с согласия моего бывшего начальника через день мы с шефом оказались в моем родном заводском цеху. При виде меня рабочие улыбались, а я чувствовал себя блудным сыном, вернувшимся домой, но не совсем, а гастролером.

— Мне все здесь на память приводит бывшее? — пошутил шеф, заметив мое волнение, и добавил: — Уж очень ты впечатлительный.

Я потащил его по крутой лестнице на антресоли, откуда через стеклянную стену открывался вид на весь цех. Показывая его, я испытывал гордость — от цеха, каким я увидел его впервые, ничего не осталось — его на моих глазах сломали и отстроили заново.

— Посмотрите, вид как в кино, — похвастался я, словно сам этот вид создал.

— У прессов в твоём цехе легкомысленный вид. Не пресса, а какие-то картинки с выставки, — удивился шеф.

Я объяснил: пресса раскрасили, чтобы меньше утомлялись глаза рабочего, и в ответ услышал: «Здесь работают очень прогрессивные люди. Даже чересчур!»

К нам подошел начальник цеха и пригласил к себе в кабинет. Шеф изложил нашу просьбу.

— Мы это сделаем, — сказал начальник и посмотрел на вошедшего в кабинет Суханова, который при виде меня заулыбался.

— Конечно, сделаем, — подтвердил Суханов и добавил: — Но сможем вам предоставить установку только один раз. Кстати, хотите ее осмотреть? Можем прямо сейчас, — предложил он шефу.

Тот ответил, что всю жизнь об этом мечтал, и они ушли, а я отправился искать Филипповну. На участке ее не оказалось, сказали, что она себя неважно почувствовала и собиралась отпроситься с обеда. Но она вдруг откуда-то появилась и, увидев меня, поприветствовала на свой манер:

— Надо же, явился! Небось забыл нас начисто.

— Как можно вас забыть, Евдокия Филипповна, — улыбнулся я.

— А этот пузатый, с которым, я видела, ты приехал, он, что, твой начальник?

— Да, начальник, — подтвердил я.

— И как, понимающий?

— Вообще-то, мог бы понимать больше, — вздохнул я, поскольку тогда к Порфирию Лукьяновичу относился критически.

— Ишь, пузо отъел, — солидаризировалась со мною Филипповна. — Радоваться он должен, что такого работника заимел. Ему ведь теперь можно ничего не делать. Ты за него все сделаешь.

— Порфирий Лукьянович один такой на всем белом свете. Его заменить нельзя, — засмеялся я.

— Тебе видней, — недоверчиво взглянула на меня Филипповна. — А та девушка, которая тебя как-то встречала у проходной, где она?

— Она вышла замуж, — помрачнел я.

— Не за тебя? — ужаснулась Филипповна.

— Не за меня.

— Что ж ты ее упустил? Такая красивая и вежливая. Один раз видела, а до сих пор помню. Смотри, останешься один. Хороших быстро расхватывают.

— Ну, может, на мою долю кто-нибудь останется, — смутился я.

— Может быть. А все-таки зевать в таких делах нельзя.

В проходе показалась квадратная фигура шефа.

— Ну что, поехали? — сказал он и ласково положил мне руку на плечо, мол, смотрите все, как я ценю вашего воспитанника. Но я знал: вернемся в лабораторию, и я моментально превращусь в мальчика, которому, чтобы стать специалистом, надо дожить лет до пятидесяти.

Мне очень не хотелось уходить из цеха, и я сказал, что догоню его. Он кивнул и медленно пошел к выходу.

— Иди, иди, а то обидится, — сказала Филипповна, но я не двигался с места.

— Еще приедешь? — спросила она

— Один раз приеду с лаборанткой. А дальше не знаю. Надолго мне оборудование не дадут, сами понимаете.

— Понимаю, — посочувствовала Филипповна и вдруг неожиданно сказала: — Хоронить приходи.

Я вздрогнул. В цехе, когда я там работал, говорили: «Посмотрите, как выглядит Филипповна, прямо на ладан дышит», а я думал: «Черта с два, всех нас переживет». А тут взглянул на ее худые ключицы, выпиравшие из-под халата, и подумал: «Действительно дышит на ладан». Комок подкатил у меня к горлу. Я обнял ее и с тяжелым чувством пошел в сторону проходной. У выхода из цеха я обернулся. Филипповна стояла посреди участка и, держа за ухо неувядаемого Матюшкина, орала:

— Ишь, паразит! Опять глаза залил. Ну, нет! Больше ты у меня зарплату в свои руки не получишь, считай — это было в последний раз. Пускай жена за ней приходит. А пока — вон с участка. И чтоб духу твоего поганого сегодня здесь не было!